

ЛЯМАН БАГИРОВА

Урок географии

Эссе

Если кто-то и мог подойти под определение «не от мира сего», так эта наша школьная учительница по географии Евгения Ивановна. Худощавая, с уродливым шишковатым пальцем и нелепыми седыми кудряшками, она ровным скрипучим голосом объясняла нам премудрости физической и материковой географии. Изображая на лицах неподдельное внимание, мы пытались вникнуть в ускользающий смысл определения азимута и, высунув от усердия язык, вычерчивали набившие оскомину контурные карты. Ох, уж эти мне контурные карты!

И не было для нас, 5,6,7,8(да-да!)-классников большей радости, чем услышать от Евгении Ивановны заветное: «А теперь сели, – спинки ровно, – слушаем!» И начиналось волшебство. Сколько она рассказала нам занимательных историй о географических открытиях, неведомых странах, тайнах затонувших кораблей! Самые отъявленные двоечники сидели, не шевелясь, боясь спугнуть невидимую нить мерного повествования. Границы школьного кабинета географии необъяснимым образом расширялись, нарисованные на картах моря наполнялись шумом волн, а свет обыкновенной 100-ваттной лампочки казался северным сиянием.

Мы не были бы детьми, если бы не пытались лукавить и не водили бы добрейшую Евгению Ивановну за нос. Сколько раз мы умоляли ее не проводить опрос, а рассказать нам еще что-нибудь интересное. Сколько раз мы клятвенно заверяли ее, что непременно ответим все на следующем уроке, и, естественно, ничего не отвечали, а начинали канючить снова. И сколько раз Евгения Ивановна (светлая душа!), идя у нас на поводу, завораживала нас вновь и вновь. Возможно, кто-то скажет, что это было непедагогично и даже в ущерб школьной программе. Но мудро сказал Гете: «Перед великим умом я снимаю шляпу, а перед великим сердцем опускаюсь на колени». Географию мы все, кстати, знали неплохо, а некоторые и отлично. А маленькая, тихая наша учительница прозорливо полагала, что ничто так не пробуждает интереса к предмету, чем полет фантазии и воображения. И только однажды мы видели Евгению Ивановну в нешуточном гневе. Случилось это тогда, когда один из учеников позволил себе пренебрежительное высказывание о книге Паустовского: «Вот, мол, опять по литературе тягомотину задали, только про природу и пишет».

Обычно негромкий голос ее достиг своего апогея, стал чуть визгливым, но от этого не менее внушительным. «Что вы?! – негодовала она. – А еще говорите, что любите географию? Да если хотите знать и любить этот предмет по-настоящему, вам достаточно прочитать Паустовского. Он один расскажет о горах и озерах, морях и лесах так, как ни один из ученых географов. И, кстати, по биологии и истории он просветит вас так, как это не сделает ни один учебник. Не знаете ничего, не желаете знать, а еще рассуждаете!!!» В общем, гневная ее речь свелась к тому, что последующие три урока мы посвятили изучению географии Средней полосы России, Кавказа и Крыма по рассказам и повестям Паустовского, а я умудрилась даже схватить жирную пятерку с плюсом за доклад по его творчеству.

В 9-м классе у нас была уже другая учительница по географии. Рассказы Евгении Ивановны остались в прошлом. Но, Бог его знает почему, с того ли достопамятного урока или еще по какой причине, только Константин Паустовский стал с тех пор одним из моих любимых писателей, если не самым любимым.

Кажется, нет ни одного автора, чье творчество было бы так пронизано светом романтики. Не нарочито пафосной романтикой, а настоящей – не подвластной ни разумению, ни расчету, ни вымученному поиску слов и надуманных эпитетов.

О романтизме прозы Паустовского писали многие ученые мужи и дамы (и, я уверена, еще будут писать!), литературоведы определяли в ней некую особую «циклическую личность развития по спирали» и очень радовались этому. Честь и хвала им! И все же, если бы мне довелось в нескольких словах сказать, в чем магическая, волшебная особенность его творчества, я бы обратилась за помощью к примеру. Человеку можно подать клубнику на потной ладони, а можно в хрустальной вазе. И вкус у нее будет разный. «Клубника» прозы Паустовского не в хрустальной вазе и уж тем более не на потной ладони. Она может быть в выщербленной стеклянной миске, но миска эта будет подана в тот миг, когда солнце вспыхнет в ее гранях, и старое стекло заиграет ярче хрусталя! В самом деле, кто, кроме настоящего художника слова, может заметить, что бутоны ирисов похожи на маленькие зачехленные полковые знамена, готовые развернуться с минуты на минуту? В розовом раструбе морской раковины услышать пение диковинных птиц? Увидеть, что черешневое варенье вспыхивает в закатном луче каплей старинного янтаря? Только человеку, почитающему воображение за великую животворную силу искусства, под силу такое.

Родившийся в мае 1892 года, Константин Паустовский волею судеб оказался свидетелем и участником важнейших исторических событий века двадцатого, с юности подрабатывал репетиторством, служил санитаром в Первую мировую, кондуктором в московском трамвае, корреспондентом одесских, закавказских и московских газет, изъездил множество стран. За заслуги в Отечественной войне был посмертно награжден медалью «За отвагу» в мае 1997 года, когда уже не было ни той страны, в которой он родился, ни той, в которой продолжал жить и творить. С какими только людьми ни сводила его жизнь: Багрицкий, Булгаков, Шенгели, Ильф, Горький, Бабель. На склоне своих лет он написал, пожалуй, главное свое произведение – автобиографическую «Повесть о жизни», где люди и события предстают настолько ощутимо, что поневоле забываешь, где кончается книга и начинается реальность. Я сейчас перечитываю его «Повесть о жизни», пожалуй, самое грандиозное, что он написал, и поражаюсь, что в главе «Начало неведомого века» он описал Россию первых лет революции, гражданской войны и конца первой мировой. Такое впечатление, что он описывает нынешнее время. С одной только разницей, что оружие в 2022 году гораздо больше и коварнее.

Он оставил после себя несколько повестей и пьес, множество рассказов и литературных статей. Литературе как творческому процессу посвящено его уникальное в своем роде произведение «Золотая роза», в каждую страницу которой погружаешься как в маленькое блистающее чудо.

Лицо неистового романтика особой нежностью черт не отличалось. Огромный с зальсинами лоб, смуглая тонкая кожа, изъеденные астмой щеки, по которым пролегали резкие складки, и натруженные жилистые руки даже на фотографии создавали впечатление строгое, почти суровое. Таил ли он подобно герою своего рассказа – композитору Григу – под напускной замкнутостью хрупкий мир тончайших чувств, или время, не щадящее никого, наложило на него свой всевластный отпечаток – неведомо. Современники отмечали его как необыкновенно учтивого и мягкого человека, из всех человеческих достоинств превыше всего ставившего деликатность.

Как много можно было бы рассказать о любимом писателе. О его родословной, в которой удивительным образом слились польская, турецкая, русская и украинская кровь. О том, например, что в 1965 году Нобелевская премия по литературе должна была быть присуждена Паустовскому, и в связи с этим даже вышли однотомники его произведений в Швеции и Италии. Но лауреатом этой премии, в конце концов, стал не менее уважаемый Шолохов. О том, как однажды приехавшая на гастроли в Москву

знаменитая Марлен Дитрих потребовала(!), чтобы ее представили человеку, написавшему рассказ «Телеграмма», и, когда уже тяжело больного Паустовского привезли к ней на концерт, прилюдно опустилась перед ним на колени. О том, что, когда гроб с телом писателя проносили по улицам Тарусы, жители города выходили из своих домов, низко кланялись процессии и говорили: «Спасибо, Константин Георгиевич, за воду!», «Спасибо, Константин Георгиевич, за газ и за свет!» (Именно стараниями писателя в Тарусу были проведены эти жизненно необходимые коммуникации).

Но никто не расскажет о Паустовском лучше, чем сделал это он сам на страницах автобиографической «Повести о жизни». А мне остается лишь добавить, что Паустовский стал для меня близким и родным писателем. Еще в те далекие годы, когда нелепая незабвенная наша географичка впервые рассказала о нем и тихо взяла в плен мое сердце. Тихо и навсегда, как это и бывает с настоящей любовью, о которой так пронзительно сказал Паустовский: *«Не будем говорить о любви, потому что мы до сих пор не знаем, что это такое. Может быть, это густой снег, падающий всю ночь, или зимние ручьи, где плещется форель. Или это смех, и пение, и запах старой смолы перед рассветом, когда догорают свечи и звезды прижимаются к стеклам, чтобы блеснуть в глазах. Кто знает? Может быть, это мужские слезы о том, чего некогда ожидало сердце: о нежности, о ласке, несвязном шепоте среди лесных ночей. Может быть, это возвращение детства. Кто знает?»*

P.S.

Как стало известно сравнительно недавно, К.Г.Паустовский был номинирован на Нобелевскую премию дважды. Первый раз в 1965 году (тогда премию получил М.Шолохов) и второй раз в 1967 году.

Вот сведения из интернета:

Писатель Константин Паустовский в 1967 году был номинирован на Нобелевскую премию по литературе. Об этом стало известно из опубликованных Шведской академией архивов премии. Наградить Паустовского предложил член академии и лауреат Нобелевки Эйдвин Юнсон, однако комитет отклонил его предложение «по естественным причинам», пишет ТАСС.

В архивах премии есть анализ творчества писателя, который сделал критик Эрик Местертон. Он отмечает, что Паустовский не стал большим писателем, хотя и занимает выдающееся место в русской литературе. «Паустовский – писатель с большими заслугами, но также и с большими недостатками. Я не нахожу, что его заслуги могут перевесить недостатки настолько, чтобы можно было мотивировать присуждение ему Нобелевской премии», – заключает Местертон.

В 1967 году на премию по литературе претендовали 70 писателей. Академики в итоге присудили ее Мигелю Анхелю Астуриасу из Гватемалы.

В 2016 году академия опубликовала архивы, в которых было указано, что в 1966 году премию могла получить Анна Ахматова, однако поэтесса умерла в марте, и ее кандидатуру сняли с рассмотрения комитета. Она была в числе номинантов и в 1965 году, но тогда премию получил Михаил Шолохов.

Имена претендентов на получение премии скрывают в течение 50 лет.

P.S. Честно говоря, я ничего не слышала об Эрике Местертоне. Может быть, это был неплохой профессионал своего дела. Не знаю...

Но вот творчество Паустовского знаю и люблю. И его помнят и любят.

Боюсь, что о покойном Эрике Местертоне знает и помнит только узкий круг профессионалов. Да и помнит ли?..